

что количество мигрантов в последнее время в Новосибирске растет: положительно высказываются об этом всего 6 % участников опроса, однозначно негативно – в три раза больше (19 %). На 15 % увеличилась доля нейтральных оценок, на 10 % уменьшилось число относящихся к мигрантам нормально, хотя иногда испытывают в связи с этим определенное напряжение, и немного (на 5 %) уменьшилось число в целом отрицательно отзывающихся по этому поводу, хотя лично с мигрантами они практически не соприкасаются.

Анализ мнения населения города Новосибирска относительно актуальных вопросов межнациональных отношений позволяет сделать вывод о существующей здесь достаточно благоприятной этносоциальной ситуации и доброжелательном отношении большинства жителей к представителям иных этнических групп. В значительной степени это определяется хорошо поставленной систематической работой мэрии по вопросам национальной политики. Большое значение имеет то обстоятельство, что она осуществляется при активном взаимодействии с представителями многочисленных национально-культурных организаций.

Выявленные в ходе этносоциологического исследования проблемные ситуации, как они фиксируются в общественном мнении, связаны прежде всего с активным притоком в город мигрантов. Сохраняется инерция негативного к ним отношения со стороны примерно пятой части местного населения. В этой связи в рамках национальной политики на муниципальном уровне большое значение должно быть уделено не только проблемам адаптации мигрантов в городской среде, но также положению и самочувствию коренного населения, прежде всего русских как доминирующей этнической группы в межэтническом сообществе Новосибирска. Это невозможно сделать без улучшения общего социального благополучия местных жителей и без специальных мер для адаптации их к новой этносоциальной ситуации, связанной, в частности, с активным притоком внешних мигрантов.

§ 3. Восприятие и интерпретация межэтнических напряжений и конфликтов городским сообществом

Наблюдаемая в последнее время нарастающая этнизация городского пространства затронула большинство европейских и российских городов, изменив их повседневность. Инокультурность, конкуренция за влияние и ресурсы между местными и приехавшими создают в городе

новые противоречия и линии напряжений. Возникающие в результате этого взаимодействия социокультурные практики меняют общую среду и городскую культуру. В привычном потоке городской жизни, в трудовой и социальной сферах, в повседневных конфликтах увеличивается удельный вес участников, представляющих разные этнические группы. Часть из них маркируется как этнические, что повышает риски более крупных межэтнических столкновений. Этнически маркированные напряжения и конфликты могут вызывать и вызывают сильную эмоциональную реакцию и активный отклик в локальных городских сообществах. Само их наличие в современном городе можно рассматривать как индикатор быстрых этнокультурных изменений, но для того чтобы эти изменения способствовали развитию городской среды, а городское сообщество (территориальные / местные сообщества города) было способно к решению конкретных проблем, необходимо иметь некоторые общие представления об участниках этнокультурных взаимодействий, их ценностях, организационных структурах и т. п. Иначе говоря, люди должны знать и понимать друг друга в усложняющихся условиях нарастания культурного разнообразия.

Вполне естественно, что участники любой социальной ситуации, в том числе и конфликтной, по-разному ее воспринимают, интерпретируют и оценивают, при этом чем сильнее разница между социальными группами, к которым принадлежит субъект, тем сильнее могут быть различия в восприятии, интерпретации и оценке.

Представители городского сообщества, участвующие в обсуждении конфликтных ситуаций, могут относить их к повседневным или этническим. В данном случае мы имеем дело с интерпретацией. Интерпретация конфликтной ситуации – толкование ее на основе восприятия, включающая анализ и оценку. При этом интерпретируются все элементы ситуации: субъекты, условия, социальное пространство, отдельные действия, коммуникации, текст. В процессе интерпретации конфликтная ситуация оценивается по следующим основным параметрам: повседневная (бытовая) / неповседневная (выходящая за ее рамки); опасная для города / безопасная; значимая для сообществ / не значимая для сообществ. Одновременно оцениваются субъекты конфликта. Факт принадлежности к этнической (национальной) группе может позволить переоценить их ресурсный и силовой потенциал, стать механизмом, запускающим процессы стереотипизации / стигматизации.

В ходе поиска инструментов выявления и анализа межэтнических конфликтов, их последствий, прогноза возможного резонанса в городском сообществе авторы монографии в ходе исследований 2014–2016 гг. обращались к мнению местных и приезжих жителей в Новосибирске, в том числе из спальных микрорайонов с высокой плотностью инокультурного населения (фокус-группы), а также к мнению экспертного сообщества, используя для этого методы индивидуального и группового интервью.

Чтобы по возможности объективировать полученные эмпирические данные, экспертное сообщество было сформировано из трех групп экспертов: исследователи, работающие с проблемами этничности, межэтнических отношений и мигрантов; специалисты, чиновники уровня города и городских районов; представители национально-культурных автономий (НКА) и национальных организаций, авторитетные представители диаспор народов Средней Азии и Кавказа¹. Критерии отбора экспертов: наличие профессионального опыта (опыт исследований не менее десяти лет, опыт работы в профессиональной сфере не менее пяти лет, для специалистов и руководителей системы молодежной политики – не менее трех лет), владение аналитической информацией по тем или иным аспектам проблемы и способность оценить ситуацию в сфере межэтнических отношений в городе Новосибирске.

Исследование показало, что экспертная позиция в отношении конкретной проблемы зависит от характера деятельности эксперта. Наибольшую информированность о ситуации и способность давать ее общие оценки по городу и району присуща не всем исследователям, кто специализируется на изучении проблем этничности, но осуществляет текущие или только завершённые исследовательские проекты по этносоциальной проблематике, а также специалистам, в число которых входят опытные сотрудники силовых структур, миграционных и социальных служб. Компетентность и информированность руководителей и специалистов отделов молодежной политики, системы среднего и дополнительного образования потребительского рынка и органов опеки о ситуации более чем у предыдущих категорий специалистов «привязана» к специфике служебной деятельности и носит точечный характер.

Кроме того, необходимо учитывать «предельность» экспертной позиции информантов, сложность ее сохранения в интервью по социально-актуальной повестке. Будучи жителями города, имеющими личный опыт

---

¹ Подробнее см. об этом в § 4 главы 3.

наблюдения и участия в различных ситуациях межэтнического взаимодействия, многие эксперты легко переходят в оценках ситуации от профессиональной позиции к личной, к повседневному опыту. В этом случае информанты апеллировали к сложившейся городской бытовой среде, социальной мифологии, стереотипам, слухам и публичной информации. Обращает на себя внимание тот факт, что, выступая с позиции «исследователей» и «служащих», информанты были более конструктивны и толерантны в отношении проблем мигрантов, межэтнических взаимодействий, чем выступая с позиции «жителя». Переходя к позиции «жителя», информанты становятся более эмоциональны, категоричны и менее терпимы. Понимая объективную необходимость в мигрантах, в том числе и «инокультурных», ряду экспертов было сложно психологически ее принять, когда речь заходила об их личном социальном пространстве, тем самым они подтверждали одну из гипотез исследования: основные факторы раздражения информантов как жителей связаны с социальной безопасностью горожанина, вызванной проблемами адаптации местных жителей к изменяющейся миграционной и этнической ситуации, особенно в месте его проживания. Поэтому, работая с материалом, основанным на мнениях экспертов, есть смысл учитывать ряд погрешностей.

1. Общая оценка межэтнической ситуации у большинства информантов ограничивается зоной своей профессиональной информированности и компетентности (например, правовые аспекты пребывания мигрантов в городе, этнография проживающих на территории Новосибирской области народов, адаптация детей-мигрантов через практики участия в системе дополнительного образования) и территорией, на которой эксперт осуществляет работу.

2. Наличие пространственно-территориальных ограничений. В отношении ряда экспертов-специалистов это выразилось в том, что ситуацию в своих районах они оценивают как более благополучную, чем ситуацию по городу в целом. Однако эксперты проблему межэтнических отношений воспринимают более остро, если они живут и работают в тех районах, где миграционная нагрузка является высокой.

3. На текущие оценки экспертов-специалистов оказывают влияние используемые ими источники информации (носит ли она служебный или исследовательский характер). Здесь на первое место выходит мониторинг этнических интернет-сообществ. На характер ответов специалистов влияет и понимание ими возможности изменять ситуацию. Так, большинство сотрудников районных администраций, выступающих

в качестве экспертов, оценивали ситуацию через перспективы «наведения порядка», но существующая правовая ситуация – правила и процедуры – вызывает у многих из них ощущение бессилия.

Таким образом, различия в восприятии и интерпретации конфликтов, которые были маркированы как межэтнические, является фактом неопровержимым, однако проблема заключается в том, как именно интерпретируются ситуации и какова эта интерпретация. Именно интерпретации с точки зрения интерпретативной теории Дж. Мида определяют характер социальных отношений. Конвенциональные отношения между представителями различных этнических групп складываются только тогда, когда они понимают действия друг друга и учатся интерпретировать события исходя из общих представлений, норм и правил социальных отношений.

Тем не менее полученные экспертные данные наряду с индивидуальными и групповыми интервью выходцев из Средней Азии и Кавказа демонстрируют, что пространство межэтнических напряжений и конфликтов в городской среде имеет сложную структуру. Сферы конфликтности были поделены следующим образом:

1) повседневные социально-бытовые и соседские отношения между приезжими (мигрантами) и местным населением; возникающие проблемы, которые приводят к напряжениям и конфликтам (жилищно-коммунальные, санитарные, порядок и безопасность); важным катализатором, а не источником конфликтности здесь выступают социокультурные отличия, проявляющиеся, в частности, в напряжении и раздражении местного населения, не имеющего соответствующего опыта и «иммунитета» от навязанности «чужих» культурных и религиозных ритуалов и традиций;

2) социально-экономические отношения, имеющие место внутри этнических сообществ и между ними (междиаспоральные конфликты за рынки труда и рынки сбыта), включая отношения за доступ к инструментам влияния и принятия экономических и политических решений на уровне города, а также между приезжими и местными.

Пространство межэтнических напряжений и конфликтов динамично ровно настолько, насколько интенсивно идут миграционные процессы и процесс адаптации. С точки зрения здоровой логики «город переваривает новичков, постепенно “выделявая” из них, и особенно из их детей, горожан», но при этом исследователи отмечают, что «адаптационные возможности города имеют свои пределы – и если интенсивность миграционного притока превышает их, то город может захлебнуться, сме-

нить свой облик, рурализироваться. Это процесс конфликтный – и также может принимать форму этнизации»¹. Видимо, этнизация сама по себе предполагает наличие и расширение обозначенных выше сфер. Так, в области социально-бытовых или соседских отношений ситуация конфликта редко переходит с межличностного, группового уровня на более высокий, тем не менее конфликты все же могут оцениваться как межэтнические, что само по себе создает почву для стереотипизации, социальной мифологии и поддержания социальной напряженности.

Варианты разворачивания подобных социально-бытовых конфликтов происходят по следующим схемам: «уход» – в случае, если участниками являются мигранты, то при усилении давления со стороны соседей скорее уйдут жить в другое место, на другую территорию, чем пойдут на открытую конфронтацию, впрочем, такой же стратегии могут придерживаться и местные; «приспособление» – в случае, если приезжие являются гражданами России (получившие гражданство), а жилье является их собственностью, возможна стратегия принятия правил; «конкуренция» – на территориях, слабо контролируемых органами правопорядка, местным сообществом, где уже присутствует значительный удельный вес мигрантов, возможно давление на местных.

В ходе исследования удалось выявить следующее: несмотря на то что представители НКА и национальных организаций социально-бытовые конфликты редко оценивают как межэтнические, в случае, когда приезжие или местные жители рассматривают ситуацию как ущемление их интересов, «переписывание» ситуации как межэтнического конфликта возможно. К примеру, с позиции экспертов, такая схема конфликтов в системе «учитель–родитель» время от времени практикуется в школах. Если ребенку предъявлялись требования, с которыми родители не были согласны, действия сотрудников школы в ряде случаев интерпретировались как тенденциозное отношение по этническим основаниям.

Существенно чаще реинтерпретация конфликтов происходит в случае, если присутствовал факт физического насилия и конфликты носили массовый (например, массовые драки) или демонстративный (например, избивание журналиста при осуществлении им профессиональной деятельности) характер. Сам факт учащения случаев проявления открытых конфликтов или насилия рассматривался информантами как ключевой признак общего ухудшения ситуации. Дополнительным признаком

---

¹ Дятлов В. И. Этнизация общественного пространства: причины и механизмы процесса // Вестн. Томск. гос. ун-та. Серия: История. 2015. № 5(37). С. 12.

ухудшения межэтнических отношений становилась реакция органов власти и силовых структур на произошедшие конфликты. С точки зрения информантов, сам факт затягивания или неоткрытия уголовного дела по заслуживающему этого факту является признаком угрозы негативного развития ситуации, а также слабости власти перед данной проблемой, способной стимулировать конфликтную мобилизацию этнических или других социальных групп и их противостояние органам власти или оппонентам в конфликте.

То, что одна и та же ситуация может интерпретироваться по-разному и получать отклик в соответствующих социальных группах, может быть использовано в целях манипуляции. Опасность манипуляции подтвердили все лидеры национальных автономий, отметившие необходимость адекватных интерпретаций текущих конфликтов и сложность объективного прочтения конкретных ситуаций: *«Когда какие-то межнациональные конфликты есть, они хотят выдавать эти конфликты как конфликты на бытовой почве. Чтобы не будоражить там население и все. А когда на бытовой почве совершаются какие-то противопдеяния, мы можем выдавать их как существующие на межнациональной основе. Бывает разнообразие восприятия, тот фактор, который сейчас в нашем городе. Поэтому тут нужны специалисты, которые дали бы оценки всем этим явлениям и давали бы оценки объективно, всесторонне, точно, дабы довести до сознания людей, что этот город наш – интернациональный, этот город строили все национальности, которые здесь живут».*

Значимым катализатором межэтнической напряженности в таких ситуациях, по мнению информантов, являются и необдуманные высказывания националистического толка, накаляющие обстановку. Л. М. Дробижева также подчеркивает, что «ксенофобия – страх перед иными – далеко не чисто психологическая, спонтанная реакция. Мы наблюдали, как такие установки подогревались и во время выборных кампаний, и когда надо переключить внимание с других неприятных для людей событий»¹. Следует учесть, что представителей этнических и диаспоральных сообществ волнует поведение политиков, поскольку оно может нарушить связи, которые с таким трудом создаются на определенной территории.

---

¹ Дробижева Л. М. Исчезает ли этничность в городской среде? Некоторые ответы на загадки большого города // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 80.

Хорошим индикатором межэтнических отношений является характер протекания повседневных конфликтов в школе, частота их интерпретации как межэтнических.

Школа – это не только среда, активно стимулирующая процессы адаптации, но и пространство, где актуализируются тщательно скрываемые противоречия и усвоенные культурные стереотипы проявляют себя более явно в связи с открытым поведением детей. Однако субъектами таковых чаще выступают не столько представители различных этнических групп, сколько «местные» и «приезжие», плохо владеющие русским языком. При этом по мере освоения последнего и формирования устойчивых межличностных отношений с одноклассниками в случае следующего бытового конфликта ребенок может переходить в группу «местных» и включаться в конфликты уже на другой стороне.

В случае, если в школе удельный вес приезжих незначителен по отношению к общему числу школьников, эксперты отмечали низкую конфликтность среди детей, их стремление к коммуникации на фоне более быстрого усвоения русского языка, чем родителями: *«...Вот эти все конфликты, вот эти все побои, вот эти неприязни, вот что касается Хилокского (район вокруг крупного регионального рынка, где высок удельный вес выходцев из Средней Азии. – Авт.) ... среди детей, скажем так, конфликтов нет. Что касается взрослых... (науза)».*

Информанты подчеркивали, что число и острота конфликтов между детьми в пределах школы существенно меньше, чем между руководством школы, педагогами и родителями – как местными, так и мигрантами – представителями инокультурных групп. Возможная идеализация собственного ребенка и объяснение неуспеваемости претензионным отношением учителей запускает механизм стереотипизации с обеих сторон, что затягивает время разрешения конфликта и может сделать его неуправляемым.

Одновременно в школах, где высоко присутствие мигрантов из различных этнических групп, могут чаще проявляться и конфликты, спровоцированные старыми межкультурными противоречиями, «привезенными» на новую родину из страны исхода. Результаты исследования подтвердили определенный перенос в образовательную среду внутриа-споральных и междиапоральных противоречий (например, конфликты между школьниками – езидами и таджиками, киргизами и таджиками), однако в последние годы междиапоральная конфликтность – и буквально, и опосредованно (школы, примыкающие к рынкам), задевает

меньше. *«... Нас это сильно не коснулось. В основном это происходит поздно ночью или вечером, когда дети уходят из школы... но что на следующий день ребенок приходит либо встревоженный, рассказывает это в красках...»*

Формирующаяся негативная социально-психологическая атмосфера приводит к тому, что русские родители стремятся выбрать любую другую школу, перевести детей. Несмотря на то что конфликты между родителями, родителями и учителями усилились во всех образовательных учреждениях, «инокультурный» фактор может быть выделен отдельно как провоцирующий напряжение в образовательной организации.

С точки зрения представителей структур, работающих с мигрантами и этническими сообществами, работа с детьми других национальностей перспективна: *«Хотелось сделать так, чтобы они вот влились в коллектив»*. Специалисты не только описывают конфликты и дают им интерпретацию, но сразу переходят к проблеме урегулирования этнически окрашенных конфликтов. Приоритетным методом называются переговоры с родителями на уровне директора школы: *«Встречаются с этими родителями и отдельно, и индивидуально, и дополнительно, всяко-разно... многие из них, если ты позвал и пригласил их, они приходят и готовы понимать, да. Вот поэтому в принципе на сегодняшний день каких-то таких серьезных конфликтов... я продолжаю работать в школе, и это происходит на моих глазах, как-то это все более сглажено»*. Однако, несмотря на организацию регулярных мероприятий, таких как фестивали этнических культур, специалисты признают, что в праздниках чаще всего участвуют хорошо адаптированные дети, а не те, кто нуждается в адаптации. Все информанты говорят о необходимости совместных межкультурных мероприятий, но при этом умалчивают об их эффективности.

Еще одной сферой, где широко распространены конфликты, часто интерпретируемые как межэтнические, является сфера трудовых отношений. Трудовые конфликты тесно связаны с ростом трудовой миграции и увеличением количества различных этнических групп на отдельной территории, а также с конкуренцией между мигрантами, объединенными в сообщества по этническому или региональному признаку за контроль и распределение рынков труда. Их основное поле – рынки, где участники этих сообществ стараются *«решать вопросы сами»*. Несмотря на то что большинство таких меж- и внутриэтнических конфликтов не видно горожанам, рынки (например, Хилокский) выступают фактором дестабилизации ситуации в городе в целом. В этой ситуации мест-

ные правоохранительные органы сосредоточены на профилактической работе и работе с открытыми формами конфликта исходя из установки: «...самое главное, чтобы всплеска не было». Основными субъектами здесь выступают межэтнические и внутриэтнические организованные группы, использующие криминальные способы разрешения социальных и экономических конфликтов: «*Вот этих группировок несколько в этнической лестнице. Они между собой грызутся. Конечно, когда до нас доходит, мы эти вопросы регулируем. Потом есть вопросы, которые эта преступная группировка, которая имеет крышу там... там (показывает наверх), соответственно, они не слушаются. Они что делают? Наркотики, оружие, незаконные какие-то... вымогательства. Деньги есть – делится...*» Эскалация конфликтов, приводящая к игнорированию как местных правил, так и этнических норм поведения, «росту неуважения» беспокоит представителей НКА и национальных организаций, для которых ценность «порядка» очевидна.

Однако даже во внутридиаспоральной среде характер конфликтности определяется не только текущими экономическими, социальными обстоятельствами, но и проблемами самого этносообщества. Значимым в этом отношении является, к примеру, поколенный фактор.

Текущие процессы маргинализации населения в странах Средней Азии оказывают влияние на избираемые стратегии адаптации в России мигрантов поколений постсоветского периода. Новые приезжие имеют низкий социальный статус и образовательный ценз, несут в себе признаки кризиса общественных отношений в странах Средней Азии, поэтому по приезду легко меняют стиль поведения, а молодежь выходит из-под контроля старших. Молодые мигранты перенимают негативные привычки местного населения. Тем не менее, несмотря на негативную оценку и опасения местного населения, даже принятие негативных черт местного населения скорее свидетельствует о текущих процессах адаптации к новым условиям сообразно тем возможностям, которыми вновь прибывающие мигранты обладают.

В то же время, по мнению экспертов НКА, новое поколение мигрантов более свободно от поведенческих стереотипов, сформированных в стране исхода конфликтными процессами позднесоветского периода и начала 1990-х гг.

«Стареют» ли традиционные конфликты? Здесь мнения экспертов расходятся. Если эксперты из системы образования указывают преимущественно на конфликты в молодежной среде, то, по мнению экспертов

НКА, открытые столкновения, вызванные старыми этническими и региональными противоречиями (к примеру, между Севером и Югом Киргизии), более свойственны возрастной группе 35–50 лет. Молодежь вовлечена в них меньше. Косвенно это проявляется и в образовательной среде. Так, по мнению экспертов из системы образования, после 2013–2014 гг. проблема открытых конфликтов между родителями, представителями разных среднеазиатских этнических групп, стала ослабевать. Это способствует и усвоению правил конфликтования в ряде сфер отношений, к примеру, в образовательной среде: *«Да. Теперь все родители знают, что все проблемы, которые возникают, они разрешаются в кабинете директора. Не где-то на улице, не где-то между собой, они настолько теперь научены, как правильно поступать в той или иной ситуации, не усугубив положение самого ребенка. Если есть какие-то претензии друг к другу, значит, соответственно, приглашаем сюда за стол переговоров, и при мне, высказывая одна сторона другой, мы проводим так называемое (условно, конечно) расследование. Приглашаем детей, и все заканчивается на пятерку. Тут же гасится».*

Инструментами конфликторегулирования выступают посредничество в конфликте представителей диаспор, национальных организаций и НКА, обращение педагогов к традициям конфликторегулирования стран исхода, уточнение нормативных требований конфликтования. Негативным фактором, способствующим поддержанию такого рода конфликтности, служат попытки политиков страны исхода втянуть диаспоральные сообщества в конфликты родины. *«Смотри, – говорю, – мы в другом государстве находимся официально, люди только деньги зарабатывают, тут мы чужие, а почему ты разделяешь их в чужой стране...»*

Что касается внутрдиаспоральной среды, то общие механизмы конфликторегулирования для всех рассматриваемых этносообществ примерно одинаковы, хотя внутри кавказских диаспоральных сообществ они носят более структурированный характер. Конфликторегулирование по значимым или резонансным для сообщества конфликтам делегируется в старшие возрастные группы и осуществляется в режиме неформального арбитражирования. Но, будучи механизмами в том числе и межпоколенных отношений, регулирования и контроля, они начинают давать сбой в случае ослабления возможности влияния аксакалов на молодежь в условиях маятниковой миграции, ослабления межпоколенных связей и деархаизации норм традиционной жизни в условиях крупного города.

Позиция местного населения к приезжим в городе сильно варьируется в зависимости от территории, но в совокупности может быть выражена в терминах «наблюдение», «ожидание», «напряженность». Это состояние усиливается, когда увеличиваются миграционные потоки, резко возрастает число «вброшенных» в социум в большом объеме и за относительно короткое время. К этому местное население оказывается психологически не готово. Обращает на себя внимание и существующая ограниченность сферы и механизмов взаимодействия местного населения и приезжих. Сегодня наиболее часто используется схема отношений между местными и приезжими, которая реализуется и в решении социальных проблем, ориентирована преимущественно на традиционные механизмы конфликто разрешения, использование инструментов давления (например, жалобы в местные органы власти и органы правопорядка). Это приводит к исключению из репертуара жителей прямого взаимодействия, формирует ситуацию «вынужденной беспомощности», делегирует ответственность за ситуацию участковым и чиновникам при слабом использовании возможностей влияния на ситуацию самих жителей.

Остановимся на этом подробнее. В отличие от крупных городов центральных и северо-западных регионов европейской части России, где этническое разнообразие приезжих имеет более широкий диапазон, а конкуренция с мигрантами скорее проявляется в сфере трудовых отношений¹, в Новосибирске она смещается в область конкуренции за дефицитные бюджетные ресурсы: социальные услуги, пособия и выплаты. Напряженность зависит от степени доступности для населения поликлиник, детских садов и школ, а также от общей экономической ситуации. Чем сильнее проявляется дефицитность ресурсов и обеднение населения, особенно в условиях нарастания санкций и кризиса, тем сильнее напряжение в межнациональных отношениях.

Значимая сфера напряжения – рынки труда. Мигранты и выходцы из Средней Азии с российским гражданством практически освоили сферу строительных услуг и массово присутствуют на рынке транспортных услуг. Они успешно конкурируют с местными за клиентов. По мнению информантов, характер противостояния столь высок, что «дело доходит до убийства». В представлениях местных жителей проблема конкуренции с приезжими за рынки труда отягощается присутствием коррупционной составляющей в миграционных службах, невняtnостью позиций

---

¹ Дробижеева Л. М. и др. Ресурс межэтнического согласия в Москве // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии РАН. 2014. № 2. С. 15–16.

местных органов власти и силовых структур. При более детальном анализе ситуации очевидно, что низкий уровень доверия к органам власти позволяет горожанам видеть коррупционную составляющую и там, где присутствуют скорее ошибки в управлении, а не сознательно организованные действия.

Однако конкуренция в трудовой сфере чаще носит междиаспоральный характер. Это сказывается и на протекании межэтнических конфликтов, которые в междиаспоральной среде приобретают преимущественно закрытый, слабо контролируемый характер.

Мигранты освоили и фактически заполнили рынок низкоприбыльных рабочих вакансий (дворники, продавцы, строители). Хотя горожане часто не стремятся работать на таких должностях, данный факт тем не менее воспринимается как фактор раздражения.

Основной городской сценой, где разворачиваются такие конфликты, является уже упоминаемый выше крупнейший за Уралом продовольственный рынок – Хилокский. При большом скоплении представителей различных этнических сообществ высокий уровень конфликтности здесь определяется мощным пересечением различных осей противоречий: экономических, трудовых, этнических и личных. Они проявляются между местными собственниками и приезжими, этносообществами и отдельными экономическими группами интересов. *«На Хилокском рынке есть одна часть, где... они отличаются. Они, можно сказать, разделены на несколько фронтов... Ну, Хилокский рынок, он же, получается, сам по себе огромный. Он там большой, и есть разные места. Допустим, если разделить Хилокский на части, то в одной будут по одному торговому ряду только таджики, по другому – только узбеки, на третьей стороне они уже могут чередоваться или уже как-то перемешиваться. Это будут те, кто устоялись... Делят, конечно же, покупателей в первую очередь. Потому что когда ты к торговле относишься, то там очень сильно развита конкуренция». «Вот недавно на Хилокском рынке были такие отношения, когда делили сферы влияния по поводу того, как контролировать торговую сеть, торговлю».*

В зону риска конфликтов попадают не только промышленные зоны, но и новые спальные микрорайоны, строящиеся на окраинах, в близости к вещевым и продовольственным рынкам. Здесь пересекаются между собой напряжения, связанные с трудовой активностью мигрантов и их проживанием. Если при сравнимом числе мигрантов в старых микрорайонах наблюдается их рассеянное расселение, имеется стабильное

местное сообщество, то в новых микрорайонах такие сообщества только формируются, а расселение мигрантов носит более компактный характер. Это делает реальной угрозой анклавизации, ослабляет возможность общественного нормативного контроля за приезжими.

Необходимо учитывать и еще один фактор. Жителям новых микрорайонов, заселяющихся относительно молодым средним классом, присуща более высокая тревожность в отношении безопасности детей, а также более высокая готовность к открытому противодействию в случае возникновения ситуаций, которые местные жители могут принять как угрозу. Напряженность усиливается, если новые микрорайоны граничат с депрессивным частным сектором или большими дачными массивами, по границам которых сами мигранты или представители этнических сообществ скупают жилье. В этом случае анклавизация приобретает наиболее маргинальные формы.

На территориях такого компактного проживания ощущение опасности соседства проявляется у местного населения более выражено, что отражается в высказываниях: *«Еще чуть-чуть, и вот баланс будет нарушен. Вот мы уже прямо на грани. Вот все, предел»*. Угроза резкого возрастания напряженности возможна и на территориях рассеянного проживания мигрантов. Однако здесь при отсутствии резонансных криминальных инцидентов, которые в общественном мнении могли бы быть связаны с приезжими, а также при отсутствии новых миграционных волн происходит постепенное привыкание горожан к присутствию инокультурных групп. Показатель этого – персонификация инокультурных групп. Выражая в целом обеспокоенность в отношении изменения этнического состава населения, многие жители при этом имеют знакомых, соседей, постоянных продавцов, выходцев с Кавказа и Средней Азии, и благожелательно относятся к ним. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты массовых опросов, о чем сказано в предыдущих параграфах настоящей главы.

Тем не менее, несмотря на наличие признаков адаптации горожан к текущей миграционной ситуации, этнические стереотипы и основывающиеся на них установки сохраняются и носят устойчивый характер. Они отражаются в ролях, которые ими распределяются а priori: местное население в роли «своих», «хозяев» (даже без демонстрации соответствующего поведения), а приезжие, даже получившие статус гражданина РФ, – в роли «гостей». Большинство «старожилов» предпочитает проигрывать эти роли преимущественно молча, тогда как правила и требова-

ния со стороны населения к приезжим прямо предъявляют преимущественно представители ТСЖ и активисты ТОСов: *«Ну, соседи, может, так и будут говорить, а вот на нас как-то больше внимания стали обращать, понимаете? Потому что мы вроде как орган какой-то»*. Основные претензии к приезжим – отсутствие порядка, грязь на территории, «резиновые квартиры». В случае, когда замечания представителей ЖКХ, ТОСов и просто жителей на таких территориях остаются без внимания, часто имеют место жалобы в органы местной власти по бытовым и социокультурным вопросам, например, *«стоят водосчетчики, они, как правило, пользуются большим количеством воды, а воду потом эту раскидывают на всех»* или *«...какие-то празднования, особенно мечеть – здесь есть раздражение... это день и накануне, и после, большой всплеск поступает заявлений, в первую очередь телефонных звонков»*.

Но, несмотря на сложившийся стереотип *«где приезжие, там грязь»*, ослабление напряженности в ходе адаптации к новым этнокультурным группам имеет место и здесь. Систематичность взаимодействия: четкие и постоянные требования, «разговоры», контроль, поддержание порядка местными («своими») – в совокупности приносит положительные результаты: *«В нашем Калининском районе они как-то уже приучены, они себя спокойно ведут – даже по торговле. Вот они если торгуют, приходят, всегда поздороваются, здоровья пожелают и пригласят приходить, обслуживают хорошо и все. Как-то у нас более культурные и цивилизные»*. Многие горожане дифференцируют ранее воспринимаемый монолитно миграционный поток, что ослабляет жесткость идентификационных границ, в том числе за счет выделения «своих этнических (приезжих)». И важную роль здесь играют регулярные личные межкультурные контакты.

Таким образом, рассеянное проживание мигрантов приводит к их более быстрой адаптации и снижает риски конфликтов на бытовой и культурной почве. В районах, имеющих территории с тенденцией к анклавизации, наблюдаются обратные процессы – усиление межэтнического напряжения и рост угрозы межэтнических конфликтов. Социальное напряжение местных жителей проявляется здесь через публичные протестные действия, обращение к органам власти (сбор подписей), например, протесты в отношении строительства мечети в микрорайоне «Родники» и открытия Киргизского центра в микрорайоне МЖК. Особенностью протестного движения с явным этническим окрасом на территориях является то, что основной протестной силой выступает население преимущественно активного возраста, относящееся в основном

к низшему среднему классу. Самоорганизация местного населения в группы по защите своих интересов на указанных территориях все чаще происходит благодаря интернет-сетям, наличие в них многочисленных сообществ, объединенных по территориальному признаку (интернет-сообщества собственников домов, микрорайонные сообщества), что опровергает тезис о пассивной позиции активного возраста. Повышенная этническая нагрузка становится фактором ускоренного формирования территориальных сообществ.

Благодаря опыту совместного проживания у активных представителей территориальных сообществ сложились устойчивые ожидания в отношении поведения представителей различных этнических групп в ситуации напряжения и конфликтов.

Обобщая эмпирический материал, полученный в процессе работы с экспертами, можно выделить наиболее распространенные маркеры напряженности в межэтнической сфере, которые значимы для местного сообщества. Два первых маркера являются важными и для приезжих.

1. Ведущим является рост криминогенности, который местные жители связывают с присутствием мигрантов. Особенно эмоционально значимыми являются случаи изнасилований (достаточно единичных фактов) или их угроз, что ведет к потере ощущения безопасности: *«... Вот у меня дочь вечерами гуляет с собакой, мы живем в очень тихом районе, и в последнее время она стала приходить и говорить: “пристают, пристают”»*.

2. Массовые столкновения (драки) представителей различных этнических групп (внутри- и междиаспоральные конфликты на территории жилых микрорайонов). Здесь основные противоречия и конфликты фиксируются между группами: киргизы–таджики, киргизы–узбеки. Они протекают в пространстве борьбы за рынок труда, затрагивают коммерческие отношения (таксисты, продавцы) среди этнических групп молодежи и находят отражение в школах, причем не столько между детьми, сколько между родителями.

3. Динамично нарастающее и визуально наблюдаемое число «другого населения» – приезжих, «чужих» – с другими поведенческими характеристиками: *«Да не знаю чего от них ожидать, от такого количества людей»*.

4. Слухи о действиях органов власти по предоставлению приезжим (этническим мигрантам, беженцам, недавно получившим гражданство) особо дефицитных социальных услуг (места в детских садах, доступ

к медицинским услугам для детей), пособий, льгот (материнский капитал, медицинские квоты и пр.). *«Сейчас прошел же слух, что гражданам, которые признаны беженцами, места в детских садах в превентивном порядке должны выдаваться. Потом был некий такой слух (но я не знаю, на каком это уровне даже), что для них будет специально построено жилье. То есть у нас люди 20-летиями ждут 20 квадратных метров, а тут без всяких проблем».*

5. Активность жителей микрорайонов по предотвращению создания специализированных центров этнического или религиозного характера на значимой для сообщества территории.

6. Активное обсуждение в публичных пространствах (магазинах, автобусах и пр.) сложившейся ситуации в контексте ощущения понижения статуса своей этнической группы по сравнению с приехавшими. *«... Сам человек стоит там в очереди на квартиру, в очереди на детский сад, а тут раз – она пришла, и ей все предоставили, поэтому и злятся».*

По мнению экспертов, социальное напряжение в сфере межэтнических отношений носит колебательный характер. Так, отмечен сезонный характер правонарушений представителями разных этнических групп на бытовой почве: летом мигранты работают и получают заработную плату, а в осенне-зимний период работы гораздо меньше, поэтому, чтобы иметь средства к существованию, некоторые из них идут на нарушение закона.

Несмотря на довольно слабые контакты горожан с прибывающими и проживающими представителями различных этнических групп, у них формируются представления о специфике их поведения в ситуациях напряжения и конфликта. Например, наиболее социально активными в отношении вовлечения в решение проблем были названы армяне. Отмечалась их способность к переговорам и правовая компетентность, а также то, что в ситуации конфликтов они демонстрируют сдержанность в выражении эмоций и настойчивы в достижении цели: *«...Если только начинается конфликтная ситуация, армяне сразу встают – сразу конфликт, сразу конфликт – положено, все. То есть дверь ногой – это однозначно, совершенно точно, хотя при этом очень любезно».*

Похожие черты отмечаются у езидов и азербайджанцев, но информанты упоминали об этом в меньшей степени: *«Вот национальности, условно назовем их кавказские, если они приходят, всегда очень вежливо, корректно и предупредительно, законы знают все лучше меня, честное слово, знают все где и что получить – то ли консультанты с ними...»*

Что касается выходцев из Средней Азии, отмечается их эмоциональность, отсутствие самоконтроля в ситуации стресса и применение угрозы ношения и использования холодного оружия. Вместе с тем в сфере межсоседских отношений при отсутствии усложняющих факторов (например, алкоголя) споры редко перерастают в конфликт: *«Они редко вообще выходят на какую-то конфликтную основу. В основном какие-то разговоры... вроде как непорядок, потому что у нас такой уклад...»* При этом эксперты отмечают высокую способность выходцев из Средней Азии и Кавказа к быстрой мобилизации как в ситуации помощи, так и конфликта: *«Как мне сказал один езд: “У нас вчера умер дедушка, мы утром собрали триста тысяч, прозвонили всю диаспору – все деньги на похороны есть”»*.

Фактически все представители исполнительных и законодательных органов власти, органов местного самоуправления и НКО, а также сотрудники муниципальных учреждений отмечали в качестве стратегии представителей этнических сообществ обращение к давлению в решении возникающих проблем. Это выражается в настойчивых, многократных и последовательных попытках вернуться к решению проблемы на их условиях. В большом количестве случаев одновременно используется угроза обращения к вышестоящим органам и жалоба на неравноправие. Такая тактика ведения споров воспринималась многими информантами как «наглость»: *«Я увидела, они давят. Вот они приходят, узбекская диаспора или центр, и они давят. А мы должны... А вы должны... А я говорю: “Так, стоп, мужчина! Я в таком контексте разговаривать не буду. Должны ВЫ помочь своим согражданам, вы для этого и созданы здесь, на территории Российского государства”»*. Специалисты, многократно сталкивающиеся с мигрантами, отмечают, что в конфликтных переговорах приезжими допускается ложь и «переписывание» ситуации в свою пользу, поэтому важно иметь доступ к альтернативным источникам сведений о ситуации или же вести переговоры публично, в присутствии посреднических структур.

Эксперты и руководители НКА подтвердили тот факт, что подавляющее большинство конфликтов, носящих внутри- и междиаспоральный характер, регулируется без привлечения органов власти или правоохранительных органов, к которым со стороны мигрантов сохраняется недоверие. Основные стратегии урегулирования: договоренности между аксакалами (*«Приезжай, вместе решим, в этот же день будем плов кушать вместе»*), которые могут непосредственно повлиять на участ-

ников конфликтов: *«Иногда бывают конфликты между узбеком и азербайджанцем, или езидом, или таджиком... Я кому звоню? Я не буду звонить правоохранительным органам, потому что у меня к ним доверия уже нет. Я буду звонить прямо к... Кочо... “попробуйте решить”. У него, если он в силах... решает, были такие случаи. А если нету силы, он не может решать. Тогда, если будем обращаться, мы скажем своему соотечественнику, чтобы он сходил написал заявление в полицию. Если он не напишет, мы не будем вмешиваться. Потому что, если человек сам не хочет написать заявление, я не могу заставить его. Потом вдруг скажет, что давление на него было».* По мнению лидеров НКА, чем менее организовано диаспоральное сообщество, тем сложнее урегулировать междиаспоральные конфликты: *«А с узбеком тяжело. Потому что они старшего не принимают, не признают».*

Практики личных контактов, «неофициальных» способов урегулирования проблем и конфликтных ситуаций через обращение к авторитетным представителям и лидерам национальных диаспор широко используются и представителями органов власти от районного до регионального уровня, а также председателями ТОСов и уличных комитетов: *«Если какие-то моменты – у каждой диаспоры, у каждой национальности есть какой-то руководитель, кто-то их знает, кто-то не знает, но у людей можно спросить, они тебя отведут. Я по своей работе ранее сталкивалась с несколькими руководителями диаспоры, они очень нормальные, адекватные люди, входят в коридоры мэрии. Да, они решают какие-то вопросы, решают их очень спокойно и достаточно положительно».*

При том что связи с лидерами диаспор и другими референтными людьми в этнических сообществах существуют, по мнению всех без исключения экспертов, требуется постоянное информирование всего городского сообщества, включая этнические группы, о культурных связях и способах решения проблем, а также поддержание систематических контактов с «диаспорами» на всех уровнях, в том числе на уровне глав администрации: *«Глава района смог отрегулировать отношения между диаспорами. Вот сколько я ими не занимаюсь, я не имею просто доступа туда, к большим кругам общения. Они между собой общаются, у них проходят встречи, они определяют направления. Почему у нас не так много конфликтов – есть договоренности. Вот мы знаем, что эта точка конфликтная, и мы знаем, что мечеть, что сейчас начнется – там все силы аккумулируются, все диаспоры в теме, они понимают как себя...»*

В то же время анализ экспертных дискуссий представителей органов власти показывает сохранение традиции использования силовых методов урегулирования конфликта. Одновременно в среде специалистов, регулярно работающих с обозначенными проблемами, растет интерес к освоению технологий посредничества в конфликте (к примеру, технологий межкультурной коммуникации).

В этом плане очевиден запрос на усиление диалога между местными и приезжими, между этносообществами, на признание важности «открытия» диаспор, то есть на необходимость понимания специфики их состава, культурных и структурных особенностей, потенциала конфликторегулирования. Для этого требуется более широкая легитимация диаспоры как субъекта отношений и субъекта конфликторегулирования в общественном и социально-политическом пространстве города. *«Ведь диаспора существует не в воздухе, а на встречах, конкретных событиях. И вот здесь уже становится возможным понять, насколько диаспора представляет интересы этих людей. Важно, чтобы интересы диаспоры совпадали с интересами этнической группы. Опасная ситуация, когда значительная часть людей, существенная по численности, остается вне ее деятельности. Вот там может происходить все что угодно».*

Исследование показало, что, несмотря на существующую разницу в интерпретации конфликтных ситуаций, поведения в конфликтах, причин и способов их разрешения, обе группы, принимающие участие в выстраивании межэтнических отношений, пытаются рационально оценить ситуацию и подчеркивают выраженный недостаток эффективных институтов и технологий конфликто разрешения. Национальная политика, реализуемая в регионе, пока не имеет релевантных институтов работы с этническими сообществами. Так, создание объединений межнационального характера рискует обернуться обратной реакцией, если оно организуется без учета реального состояния многокультурного городского пространства, без понимания субъективных мнений и оценок и особенностей конструирования интерсубъективного мира с общими понятиями, смыслами и социальными практиками.

Чтобы формирование конструктивного и толерантного многокультурного пространства города стало возможным, необходимо знать ситуации, в которых принимают участие представители этнических групп и мигранты, и как эти ситуации интерпретируются ими. Очевидно, что «в случае попадания индивида в другую социальную среду скорость его интеграции в нее прямо зависит от степени близости его культурно-

ценностных представлений к представлениям, сложившимся в принимающем обществе»¹. Но чтобы конструировать интерсубъективный мир в условиях усилившихся миграционных потоков, этнизации и реэтнизации территорий, субъектам нужно научиться понимать друг друга, несмотря на то что «интерпретация символов требует затрат времени»².

§ 4. Факторы интеграции и дезинтеграции городского межэтнического сообщества в оценках экспертов

В этом параграфе обобщаются оценки экспертных интервью, проведенных участниками проекта в 2016 г., по одной, но существенно значимой этносоциальной проблеме, а именно по комплексу вопросов, касающихся факторов интеграции и дезинтеграции межэтнического сообщества. Различный социальный и профессиональный статус экспертов позволяет оценивать данную проблему всесторонне и комплексно, поскольку эксперты имеют разный опыт, порой различающиеся источники информации о содержании этносоциальных проблем, разный уровень личной (в том числе этнической) сопричастности к протекающим процессам.

Источники информации экспертов об этносоциальной ситуации в городе. Эксперты-исследователи (ЭИ), отвечая на данный вопрос интервью, отдают предпочтение результатам социологических исследований, имеющимся в органах власти аналитическим отчетам и материалам научно-практических конференций. Для них важное значение имеют также участие в различных культурных мероприятиях, проводимых национально-культурными организациями; общение с руководителями этих организаций, а также со студентами разных национальностей; постоянные контакты со специалистами мэрии, курирующими национально-конфессиональную проблематику; информация из печатных и электронных СМИ, включая Интернет.

Другая группа экспертов-специалистов и работников органов власти (ЭС), как и эксперты-исследователи, пользуется широким кругом источников, включая живое общение с разными группами населения. Кроме того, они имеют возможность получать информацию по офици-

---

¹ Каранов Д. П. Мигранты и принимающее общество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Полития. 2013. № 1(68). С. 26.

² Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем. яз.; под общ. ред. Н. А. Головина и В. В. Козловского. СПб: Алетей, 2000. С. 19.